

КРУГЛЫЙ СТОЛ
В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ РАН
«Компаративистика
в экономической истории»

15 января 2009 г. в Институте экономики РАН состоялся Круглый стол по теме «Компаративистика в экономической истории». Круглый стол был организован сектором экономической истории, заседание вел заведующий сектором д.и.н., проф. Ю.П. Бокарев. В работе Круглого стола приняли участие сотрудники Института экономики РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Круглый стол открыл д.и.н., проф. Ю.П. Бокарев (Институт экономики РАН). Во вступительном слове он рассказал об эволюции сравнительного подхода на примере теории модернизации и ее заимствования в России.

Ю.П. Бокарев отметил, что компаративный анализ (по определению Н. Смелсера) – это «описание и объяснение сходств и различий (главным образом различий) условий или результатов развития крупных социальных единиц, обычно – регионов, стран, обществ и культур». Термин «компаративные исследования» появился в начале XIX века в работах немецкого лингвиста Ф. Боппа. В другие общественные науки компаративистский подход проник в середине XIX века. Среди экономистов его лучше всего освоили сторонники модернизационной теории. Однако насколько справедливы их выводы – вопрос спорный.

Массовое восприятие российской политической и интеллектуальной элитой Западной Европы как желаемого стандарта началось со времен Петра I. Последующие три столетия российские и советские правящие круги упорно старались привить стране западные экономические институты, в том числе и предлагаемые западными радикалами, безжалостно растаптывая ее национальные самобытные институты. В рамках теории модернизации такая политика получила название «догоняющего развития», что означало принятие концепции, согласно которой Россия отличается от Европы не по формам, а по уровню экономического развития.

Таких благоприятных для «вестернизации» условий, какие имела Россия, не было ни в одной стране «догоняющего развития», будь то государства Латинской Америки, Япония, Турция, Южная Корея или Китай. Однако результат российского догоняющего развития получился скорее отрицательным. Внешне социальные и экономические институты России стали ближе к западным, но их экономическая эффективность оказалась крайне низкой.

Ряд ученых пытаются объяснить это тем, что экономическое развитие страны оборвали события 1917 г. Однако, во-первых, неясно, в какой степени они были следствием случайных обстоятельств, а в какой – результатом противоречий модернизационной парадигмы. Во-вторых, при доказанной существенной экономической неэффективности социализма темпы экономического роста в советской России в среднем были выше, чем в Российской империи¹. По мнению других, неверна сама модернизационная парадигма. В частности, как считают сторонники институционализма Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов, «российский опыт» является «доказательством принципиальной малоэффективности «копирующей модернизации»².

Компаративные исследования в рамках данной теории опираются на простую методологию. За эталон берется развитая западная страна (чаще всего США), и социально-экономические показатели по изучаемой стране сравниваются с этим эталоном. Такой подход неверен в своей основе. Социально-экономические показатели по Великобритании, ФРГ, Японии обнаруживают существенные различия, но это не значит, что какая-либо из этих стран отстала в своем развитии. Просто экономическая структура каждой из них, складывавшаяся под влиянием специфических исторических, социальных, ресурсных, культурных условий, имеет свои характерные черты.

В 1964 г. израильский исследователь Ш. Эйзенштадт подчеркивал серьезные отличия западноевропейского варианта капитализма от американского и писал о создании исламским миром собственной, исламской, современности³. Латиноамериканист Р. Пребиш, леворадикальный экономист А. Гундер Франк, социолог и будущий президент Бразилии Ф.Э. Кардозу, а также Т. Душ Сантуш, Р. Ставенхаген и др. утверждали, что теория модернизации не способна вывести страны «третьего мира» из отсталости: экономически и интеллектуально зависимые страны не могут стать передовыми державами в принципе. Были признаны неприемлемыми теоретические обоснования идеи модернизации. Подчеркивалась

¹См.: Бокарев Ю.П. Российская экономика в мировой экономической системе // Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2000. С. 453 – 456.

² Нуреев Р. М., Латов Ю.В. Институциональные ограничения догоняющего развития императорской России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Том 5. № 2. С. 80-99.

³ Eisenstadt S.N. Breakdowns of modernization // Goode W.J. (ed.). The Dynamics of Modern Society. New York: Basic Books, 1964. Pp. 434 – 448.

нелинейность и многомерность исторического развития, которое осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций обществ и их проблем⁴.

Во второй половине 1980-х годов появилась неолиберальная разновидность теории модернизации. Неолиберальный вариант теории модернизации основан на еще большем упрощении действительности, чем классический. В отличие от трактовки модернизационного процесса в классической теории, как спонтанной тенденции в неолиберальной версии, утверждается, что «прогрессивные изменения» инициируются и контролируются «сверху» интеллектуальной и политической элитой. В такой форме теория модернизации была легко усвоена правящими кругами России, не знавшими иного стиля руководства, кроме авторитарного.

Крах однолинейной марксистской теории исторического процесса, казалось бы, создавал плохую почву для увлечения примитивной модернизационной моделью. Однако ее популярность в России растет, несмотря на явный провал соответствующих реформ. В интерпретации многих авторов она предстает как единственная достойная внимания теория общественного развития (например, у И.В. Побережникова⁵). Таким авторам трудно понять, что ключа, который открывает все двери в объяснении мира, не существует – потому что нет необходимой логической связи между секуляризмом, либерализмом, свободными рынками, демократическими институтами. Они связаны между собой только потому, что исторически возникли в такой связке в англоязычных странах в последние двести лет. В других районах мира возможны иные сочетания.

Если И.В. Побережников трактует модернизацию как многоаспектный процесс, то для Е.Г. Ясина она сводится к сугубо экономическим, почти техническим вопросам⁶. Он рассматривает экономическую действительность как *tabula rasa*. Предполагается, что все экономические процессы можно в одночасье остановить, интересы экономических субъектов перечеркнуть, людям внушить «иной образ мышления» и заставить мировой рынок, перенасыщенный продуктами «новой информационной экономики», покупать такие же продукты из России. Если бы Е.Г. Ясин писал о модернизации Танзании, он не изменил бы в своем экономическом «рецепте» ни слова.

В нашей науке серьезная теоретическая разработка программ социально-экономических преобразований практически не ведется. Более того, в ней отсутствует механизм, который производил бы отбор наиболее перспективных и соответствующих национальным интересам социальных теорий и проектов экономических реформ, разработанных за рубежом. Задача настоящего Круглого стола – проанализировать все существующие парадигмальные основания для компаративных исследований с целью найти наиболее обоснованный и пригодный для России вариант.

Д. соц. н. С.Г. Кирдина (Институт экономики РАН) выступила с докладом о парадигмальных основаниях в экономической истории. Она отметила, что во многих исторических работах имеет место либо распыление социально-экономических реалий между областью эмпирических представлений и фактов, либо использование заимствованных понятий и отвлеченных принципов. Российская историческая практика и экономическая теория соединяются сегодня очень трудно. Налицо проблема междисциплинарных исследований. Необходимая генерализация достигается при опоре на те или иные парадигмальные основания, концептуальные схемы, построенные на обобщении фактов и долгосрочных исторических периодов.

К.и.н. К.А. Фурсов (Институт экономики РАН) посвятил свой доклад корреляции между двумя концепциями мир-системного подхода – гегемоний капиталистической мир-системы И. Валлерстайна и системных циклов накопления капитала Дж. Арриги.

По его мнению, И. Валлерстайн фокусирует внимание на политико-экономическом и военно-политическом оформлении циклов развития капиталистической мировой экономики (КМЭ). История КМЭ – это история гегемоний держав и периодов соперничества между ними. У каждой гегемонии есть фазы подъема, победы, пика и упадка. В схеме И. Валлерстайна три гегемонии: голландская (пик – 1625-72 гг.), британская (пик – 1815-73 гг.) и американская (пик – 1945-73 гг.). Центральное место в периодах соперничества занимают мировые войны: Тридцатилетняя (1618-48 гг.), войны с революционной и наполеоновской Францией (1792-1815 гг.) и две мировые войны XX в. вместе с межвоенным периодом. В центре внимания Дж. Арриги – процесс накопления капитала, который развивается системными циклами. Дж. Арриги выделяет четыре системных цикла накопления: генуэзско-иберийский (XV – начало XVII в.), голландский (конец XVI – третья четверть XVIII в.), британский (вторая половина XVIII – начало XX в.) и американский (с конца XIX в.). Характерной чертой каждого цикла, начиная со второго, является то, что его субъект осуществлял интернализацию определенного вида издержек (делал их оплату своим внутренним делом).

Главное различие между концепциями И. Валлерстайна и Дж. Арриги состоит в фокусировании внимания на разных аспектах соперничества. У первого это военно-политический аспект, у второго –

⁴ Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966. P. 2.

⁵ Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург. 1999. С. 16-25.

⁶ http://www.hse.ru/ic2/materials_2/yasin.htm

экономический. Вместе с тем оба историка, отталкиваясь от Ф. Бродея, считают главным двигателем развития капиталистической системы борьбу государств. По хронологии предложенные ими периодизации развития капиталистической системы в целом совпадают. Материальные фазы циклов Дж. Арриги в общем соответствуют периодам подъема и пика гегемоний И. Валлерстайна; финансовые фазы в общем соответствуют периодам упадка гегемоний. Однако если у Дж. Арриги генуэзско-иберийский цикл – уже часть истории капиталистической системы, то у И. Валлерстайна на его месте стоит мир-империя Габсбургов, внешняя по отношению к капиталистической мир-экономике и противостоящая ей в борьбе на взаимное уничтожение. За этим несовпадением кроются серьезные теоретико-методологические проблемы мир-системного подхода, в частности трудности содержательного определения понятия «капитализм».

Доклад д.э.н., проф. М.Г. Покидченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) был посвящен влиянию классической политэкономии на представления отечественных экономистов о путях развития России во второй половине XVIII – первой половине XIX веков. Он отметил, что в этот период общественные науки в России, включая политическую экономию, развивались в общеевропейском русле, но с определенной спецификой. Лидерами в развитии европейской науки были Великобритания и Франция, их ученые были отцами-основателями «Века Просвещения», который начался в XVII в., а расцвет получил в XVIII в. Британцы и французы являлись также создателями классической политэкономии, так как их страны были лидерами в мировой экономике. Таким образом, для России последним словом науки были теории британских и французских философов и экономистов, но по уровню развития экономики, политической системы и культуры Россия отставала от этих стран и буквальное применение британских и французских рецептов было неприемлемо. В результате идеи западных ученых в России либо оставались на уровне деклараций, либо подвергались трансформации.

Так, в начале XIX в. главным авторитетом был А. Смит, а затем Ж.Б. Сэй. Но в это время среди российских экономистов можно уже выделить две позиции, которые можно рассмотреть на примере дискуссии о внешней торговле, которая велась в то время в России. Смит и Сэй были сторонниками фритредерства, то есть внешней торговли без ограничений. Ссылаясь на них, за фритредерство выступали такие видные российские экономисты, как Г. Шторх и Н. Тургенев. В то же время Н. Мордвинов выступал за протекционизм, защищающий молодую российскую промышленность. На упреки же в том, что он идет против науки, Мордвинов отвечал, что к каждой национальной экономике нельзя применять «правило отвлеченное, сколько бы оно ни важную заключало в себе истину умственную». Эта мысль Мордвинова актуальна и в наше время. Общественные науки едины, но их национальные интерпретации различны.

Д.и.н., проф. В.Л. Степанов (Институт экономики РАН) остановился на проблеме рецепции – заимствования «опаздывающими» нациями опыта и достижений передовых стран Запада. С его точки зрения, процесс модернизации в каждом конкретном случае представлял собой сложное переплетение как общеевропейских черт, так и национальных особенностей. Россия также принадлежала к числу «догоняющих» стран и широко использовала европейский опыт. При этом преимущественное внимание уделялось Германии. Российская бюрократия видела в государственном строе и социальной структуре соседней монархии много сходства с условиями собственной страны.

Большой популярностью в России пользовались идеи немецкой политэкономии, сущность которых заключалась в этатизме, автаркии и приоритете национальных особенностей, что соответствовало исторически сложившимся экономическим традициям самодержавной монархии. Влияние опыта политики прусского и германского правительства проявилось в крестьянской реформе 1861 г., преобразовании системы налогообложения, разработке нового бюджетно-сметного законодательства, реформировании ведомства финансового контроля, огосударствлении частных железных дорог. Ужесточение Германией таможенной охраны способствовало переходу России к политике протекционизма. Признание в Германии золотой рейхсмарки в качестве основного платежного средства во многом заставило российские «верхи» встать на путь введения золотого монометаллизма. Особое значение имело социальное законодательство канцлера О. фон Бисмарка, под воздействием которого в России были приняты законы о государственном страховании рабочих. Эта тематика никогда глубоко не изучалась, между тем ее разработка имеет большое значение для исследования экономических реформ в России.

К.и.н. С.В. Беспалов (ИНИОН РАН) посвятил свой доклад сравнительному анализу проблем экономического развития России и СССР в общественных дискуссиях на рубеже XIX – XX вв. и в 1980–90-е гг. – в предреволюционные и революционные этапы развития российского общества. Он отметил, что публичные дебаты по проблемам экономического развития на обоих этапах допускались властями раньше, чем полемика по внутриполитическим проблемам. Это обуславливало особую остроту и «политизированность» экономических дискуссий, которые являлись важной составляющей становления гражданского общества, тем более что некоторые экономисты играли существенную роль в общественной жизни России.

Существенно больший интерес представляют сходные моменты в рамках двух периодов: 1) отсутствие единства в либеральном движении; речь идет не только об организационном, но и об идейном единстве в подходе к решению ключевых проблем экономического развития; 2) убежденность ряда либеральных политиков и общественных деятелей в принципиальной неразделимости либеральных и демократических

ценностей и программных установок, которая обуславливала отказ поддержать правительственные либеральные экономические реформы на том основании, что осуществляет их недемократический режим; 3) самодержавная/президентская власть, лишая оппозицию механизмов цивилизованного влияния на экономический курс государства, не давая парламенту в полном объеме осуществлять свои и без того ограниченные полномочия, не позволяет вырасти ответственной оппозиции; последнее негативно сказывается и на отношении либеральных кругов к проводимой экономической политике.

В ходе обсуждения проблематики докладов слово взял к.э.н. Г.Д. Гловели (*Институт экономики РАН*). Он подчеркнул, что мир-системный анализ открывает новые перспективы для исследований на стыке компаративистики и истории русской экономической мысли. Плодотворно введенное И. Валлерстайном понятие «геокультура», обозначающее культурное основание капиталистической мир-экономики (КМЭ), есть представление о том, что, выбрав правильный курс экономического развития, суверенное государство достигнет процветания. Хозяйственный быт и институты стран-лидеров КМЭ определяют «геокультурные» ареалы – образцы для подражания в экономических (и не только) реформах. При этом в геокультуре фиксированы не только «передовые» страны (страна-гегемон или новые страны ядра КМЭ), но и «передовые» доктрины – от «торгового баланса» до теорий модернизации и монетаризма.

К концу XIX – началу XX вв. особое значение для российских реформаторов получил опыт новых стран ядра КМЭ – как Германии и США, уверенно догонявших гегемона-Великобританию (попытка привить европейские начала финансовой системе, железнодорожное строительство, отношение к синдикатам и трестам), так и небольшой, но быстро прогрессирующей и преуспевшей в период европейского аграрного кризиса Дании – страны хуторов и крестьянских товариществ (стольпинское землеустройство, Сибирский союз маслodelьных артелей, теория кооперации). Наконец, в военно-государственном капитализме Германии и американских трестах большевикам привиделись технико-организационные предпосылки социализма, включая электрификацию и «научную организацию труда». Обнаружение несоответствий между «геокультурными ареалами» и результатами их воплощения стимулировало анализ своеобразия национальных хозяйственных структур и институтов; накоплению элементов компаративистики в экономической мысли России способствовала и разработка альтернативных моделей экономического обустройства как реакция на теневые стороны опыта «передовых» стран («язву пролетариата» и т.п.).

В ходе прений д.и.н., проф. Б.М. Шпо тов (*Институт экономики РАН*) обратил внимание на высказанную Ю.П. Бокаревым идею замедленного протекания в России модернизационного процесса. Если вести счет с царствования Петра I, разные фазы этого процесса растянулись почти на 300 лет. В монографии Ю.П. Бокарева «СССР и становление постиндустриального общества на Западе» (М., 2007) причины не вхождения России в стадию постиндустриализма и определенного регресса на этапе упадка системы социализма и реставрации капитализма показаны достаточно полно. Однако, по мнению Б.М. Шпотова, темпы были потеряны раньше, в XVIII–XIX вв.

Он попытался ответить на вопрос, почему «модернизационный рывок» в России бывал подчас невероятно тяжелым испытанием для страны и общества (эпоха Петра, сталинская индустриализация). Возможные ответы: прерывание государством органичной, но вялотекущей эволюции под воздействием внешних угроз, силы инерции (большие системы инерционны), наличие не затронутых модернизацией анклавов экономики и социума, отсутствие национального консенсуса (споры о путях и пределах достижимого), соблазн «пожинать плоды» достигнутого, даже отказаться от некоторых далеко идущих завоеваний, успокоить общество (брежневский застой). Этот своеобразный «маятник» и «съедал» время.

Д.э.н., проф. Н.К. Фигуровская (*Институт экономики РАН*) откликнулась на выступление М.Г. Покидченко. По ее мнению, в России умели ценить произведения выдающихся экономистов Запада. Перевод книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов (1776 г.)» был осуществлен по поручению министра финансов графа А.И. Васильева (1802–1806 гг.). Труды Смита были необычайно популярны в России, на их основе строилось преподавание политической экономии в XIX – начале XX в.

Много внимания изложению и комментированию взглядов Смита уделял С.Ю. Витте. Он полагал, что Смит дал блестящее теоретическое обоснование учения о свободе торговли, отвечавшее условиям и потребностям его страны. Вместе с тем Витте справедливо критиковал основоположника политэкономии за абстрактно-теоретический подход к реальной жизни, за космополитическое понимание прогрессивности свободной торговли. На смену периоду увлечения идеей свободы торговли (1850–60-е гг.) приходило осознание необходимости политики протекционизма, которое Витте связывал с «необходимостью для каждой страны стремиться к самостоятельному развитию своих производительных сил»⁷.

Итоги Круглого стола подвел д.и.н., проф. Ю.П. Б о к а р е в. Он подчеркнул значение анализа разных парадигм компаративных исследований как необходимую предпосылку выработки такого подхода к экономической истории, который оптимально отвечал бы специфике изучаемых регионов и стран мира, в первую очередь – России. «Круглый стол» позволил его участникам провести своего рода инвентаризацию

⁷ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М., 1997. С. 181–182 и др.

направлений компаративных исследований, выделить среди них наиболее перспективные. Ю.П. Бокарев пригласил всех выступивших на Круглом столе к участию в подготовке сборника статей по методологии компаративных исследований.

*К.А. Фурсов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник*

Института экономики РАН